

**ТЕМА НАРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА НА ПРИМЕРЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»***Холматова Муштарий Акрамовна**Магистрант Наманганского государственного университета**+998995212070**mushtariy_kholmatova@mail.ru*

Статья посвящена анализу специфики изображения народа в «Записках охотника». Тургенев меняет литературный код эпохи. Просветительский естественный человек трансформируется в тип поселянина. Проводя параллели между простыми крестьянами и великими мыслителями, поэтами и государственными деятелями, писатель тем самым придаёт крестьянским образам особое значение. Он видит в них воплощение нации. Так проявляется романтическая традиция в реалистическом тексте.

Ключевые слова: Тургенев, народ, романтические традиции.

«Записки охотника» - одно из самых оригинальных произведений русской литературы. Не случайно современная Тургеневу критика даже в лице самых выдающихся её представителей не смогла понять своеобразие художественной манеры писателя. Например, В.Г.Белинский, высоко оценивая «Записки охотника», всё же полагал, что у их автора «нет таланта чистого творчества», что «всё умение его заключается в том, чтобы только верно передать знакомое ему лицо или событие, которого он был свидетелем, потому что в действительности бывают иногда явления, которые стоит только верно переложить на бумагу, чтобы они имели все признаки художественного вымысла» [2, с.346]. Великий критик, безусловно, ошибался. И дело не только в том, что Тургенев затем прославится именно как создатель повестей и романов, способность к написанию которых Белинский у него отрицал. «Записки охотника» - это как раз очень яркий, если использовать слова критика, образец «чистого творчества». Между простой фабулой того или иного рассказа и бесконечной глубиной его содержания существует поразительное несоответствие. Вполне очевидно, что Тургенев в процессе творчества отталкивался не только от конкретных фактов действительности, но в весьма значительной степени от тех идеальных норм, понятий и представлений, которые уже были выработаны в сфере литературы и общественной мысли. Несомненно, что крестьянская тема во многом возникла у него как следствие переосмысления ряда основополагающих просветительских и романтических понятий. Для философов и литераторов восемнадцатого века было характерно учение о «естественном» человеке, человеке, каким он выходит из рук природы, человеке, свободном от всего, что прививает ему тот или иной

общественный строй. В дальнейшем, разумеется, образ «естественного» человека не мог не претерпеть серьёзных изменений. Взрыв идей романтизма и диалектики, который был характерен для двадцатых-тридцатых годов девятнадцатого века, привёл к качественному изменению многих канонов Просвещения, в том числе и понятия о «естественном» человеке. Вместо него возникает мифологическое представление о народе как хранителе важнейших нравственных и духовных истин. В результате, с одной стороны, появляется внимание к веками накопленным национальным традициям, народным верованиям, а с другой - во многом сохраняется прежнее, идущее ещё от просветительских воззрений, противопоставление природной, естественной жизни неразумному и ненормальному устройству современного общества. Всё это можно наблюдать в таком этапном произведении нашей литературы, как «Записки охотника». Созданные Тургеневым крестьянские типы несут на себе весьма отчётливые черты социальной и исторической достоверности. Но полной обусловленности человека его средой, его окружением в «Записках охотника» нет. В гораздо большей степени писателя интересуют такие характеры или такие ситуации, когда в человеке проявляется его естественное, его природное начало. Например, в рассказе «Бежин луг» изображены не просто дети, а именно крестьянские дети, и заняты они (стерегут табун лошадей) тем, чем могли заниматься только крестьянские мальчики. Вместе с тем нельзя не видеть, что, обращаясь к миру детства, к миру праздника («Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун – большой праздник для крестьянских мальчиков» [Т.4, с.107]), писатель в значительной степени отстраняется от проблем деревенского быта, которые связаны с баринством, с бурмистром и т.д. Его цель иная. Он стремится уловить в народной жизни те её моменты, когда она развивается относительно свободно и естественно. Герои рассказа ещё не ощутили на себе власть Зверьковых, Стегуновых, Пеночкиных. Они показаны такими, каковы они от природы. И поэтому в них столько ума, обаяния, поэтичности. Подобный принцип изображения проявляется во многих других рассказах цикла. Например, Хорь – крепостной крестьянин. Но он разбогател, в любой момент может откупиться от барина. Рассказчик подчёркивает, что «благодаря исключительности своего положения, своей фактической независимости Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не выворишь, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь. Толкуя с Хорем, я в первый раз слышал простую, умную речь русского мужика» [Т.4, с.16-17]. Можно утверждать, что Калиныч, Лукерья, по другим, правда, причинам, чем Хорь, тоже находятся в каком-то исключительном положении. Касьян несет в себе черты русского юродивого [1, с.159-163]; он говорит о себе: «Живу, как господь велит..., а чтобы, то есть промышлять – нет, ничего не промышляю.

Неразумен я больно, с малства: работаю, пока мочно, работнико я плохой ... где мне! Здоровья нет, и руки глупы. Ну, весной соловьёв ловлю» [Т.4, с.117]. Все эти тургеневские герои как бы выпадают из существующей системы общественных отношений, гораздо большее влияние на них оказывает природа. Тургеневу важно показать в таких людях их поэтичность, тонкость чувств, художественную одарённость. То, что это крепостные, на их поведении, на их психике не отражается. Разумеется, не следует забывать, что в «Записках охотника» есть совершенно другие характеры. Например, дворовый по прозвищу Сучок, изображённый в рассказе «Льгов» или буфетчик Вася – в рассказе «Два помещика». Их поведение, их чувства людей очень отчётливо свидетельствуют о том, что это слуги, что это дворовые. «Вот она, старая-то Русь!» [Т.4, с.179] – думает рассказчик. Столь различные принципы обрисовки крестьянских характеров в «Записках охотника» как раз и позволяют увидеть здесь нечто, напоминающее особенности просветительской литературы восемнадцатого века. На одних персонажах демонстрируется искажающее влияние социальной среды, другие – представляют собой естественную, природную сущность человека. Необходимо отметить, что, если в некоторых очерках герои, воплощающие в себе природное или социальное начало, существуют как бы разных измерениях, иногда Тургенев, напротив, выбирает такие сюжеты, где естественное вступает в конфликт с тем, что идёт от общества. Например, в рассказе «Уездный лекарь» описывается случайная встреча разночинца и девушки из дворянской семьи. Между ними существует, казалось бы, непреодолимый барьер. Но тяжёлая болезнь, заставляющая девушку осознать свою обречённость, неожиданно вспыхнувшая любовь – таковы природные основы бытия, которые выступают вдруг с огромной силой и которые сметаю различия между простолюдином и аристократкой. Вся эта коллизия имеет несомненную связь с просветительской традицией, побуждающей писателя иерархической системе феодального общества противопоставить понятия иного, более высокого порядка, такие, как жизнь, смерть, любовь. Размышляя об антифеодальной направленности «Записок охотника», следует подчеркнуть, что сама категория естественного имеет двоякое толкование. В качестве естественного можно рассматривать положение отдельной, обособленной личности, эгоистически замкнувшейся только на своих собственных интересах и враждебной к окружающим, а можно иметь в виду естественное влечение людей к союзу, к содружеству, к взаимопомощи. Автор «Записок охотника» современному порядку, основанному на крепостном праве, противопоставляет естественную связь, которая существует между людьми. Тургенев создаёт «Записки охотника» в один из сложнейших моментов в духовном развитии русского общества. В сороковые-пятидесятые годы становится всё более ясным,

что близок крах отживших себя феодальных норм жизни. Но не вызывает симпатий и новый порядок, установившийся в передовых европейских странах и отталкивающий картинами эгоизма, обособленности, борьбы каждого против всех. Подобных последствий не желали для России даже убеждённые западники. Необходимо было найти идеалы, при осуществлении которых всё возрастающее личностное начало не разрывало бы общественных связей между людьми. В поисках решения этой проблемы Тургенев обращается к опыту своих предшественников, пытавшихся преодолеть противоречия буржуазного прогресса, когда они только зарождались. В известной степени можно утверждать, что по своему нравственному пафосу «Записки охотника» берут свои истоки в идеологии сентиментализма. Сентиментализм, как известно, выдвинул принципы, которые во многом означали шаг вперёд по сравнению с идеями просветительского рационализма. Авторитет разума сама по себе весьма элитарен и не очень способствует обоснованию прав личной свободы и независимости. Иное дело – сфера чувств, индивидуальная и неповторимая. Исходя из неё, сентиментализм утверждал право человека на автономию, свободу выбора, при этом не только не разрушая связей между людьми, но даже усиливая их. Ведь если по уровню своей образованности низшие слои общества резко отличались от его элиты, то в сфере чувств грань между ними всегда относительна. На этой идее равенства и было основано внимание писателей-сентименталистов к простому человеку. Конечно, героиня знаменитой повести Карамзина «Бедная Лиза» изображается в обстановке, лишь весьма условно напоминающей конкретные особенности крестьянского быта. И всё же Карамзин не искажает здесь жизненной правды. Он только берёт для изображения тот определённый уровень человеческой личности, на котором не существенно различие между дворянином и простолюдинкой. В крестьянке писатель подчёркивает её любовь, её тонкие чувства. Нечто аналогичное можно наблюдать в «Записках охотника» Тургенева. Утверждение, согласно которому Тургенев приукрашивает народ в «Записках охотника», конечно, ошибочно, но оно возникало не раз и возникало не случайно. Писатель вовсе не стремится изобразить жизнь русского крестьянина во всех, часто неприглядных, особенностях его быта, материального положения и нравственного состояния. Тургенева интересует то общее, что может быть выявлено в душе как крестьянина, так и дворянина. На страницах великой книги перед нами возникает удивительно светлый, прекрасный и гармоничный мир. Это тот мир человеческой души, который впервые был открыт в литературе сентиментализма и который с тех пор имел непреходящее значение, в изменённом, углубленном виде продолжая изображаться писателями других художественных направлений. В «Записках охотника», конечно, нет той слезливости, которая у многих из нас

привычно ассоциируется с сентиментализмом (впрочем, данная особенность чрезмерна лишь у эпигонов, а не у ведущих представителей данного направления). Но сохраняются более важные открытия. Это культ природы, наедине с которой человек может наиболее полно ощущать себя, свою личность. Это внимание писателя к жизни простого человека, в которой он отмечает и возвышенные переживания, и глубокие чувства. В данном отношении весьма характерно появляющееся уже на первых страницах изображение мужика Калиныча «с пучком полевой земляники в руках, которую нарвал он для своего друга Хоря» [Т.4, с.14] Подобная картина непривычна, и непривычность её подчёркивается повествователем: «Я с изумлением поглядел на Калиныча: признаюсь, я не ожидал таких «нежностей» от мужика» [Т.4, с.14]. Но, будучи неожиданными в реалистическом рассказе о крестьянской жизни, такие «нежности» очень привычны для читателя, воспитанного на сентименталистской литературе. Новая, оригинальная манера автора «Записок охотника» опирается на стойкую традицию. Самое же главное, что свидетельствует о сентименталистских истоках «Записок охотника», - это общее представление писателя о человеке, об отношениях между людьми. В мировой литературе сентиментализм не случайно возник на рубеже двух исторических эпох. С одной стороны, его идеалы, утверждающие ценность отдельной личности, её неповторимость и своеобразие, подрывали идеологические основы феодального порядка. С другой стороны, культивируемая писателями этого направления чувствительность побуждала к дружескому контакту между людьми, противостояла эгоизму и обособлению. Весьма знаменательно, что первый, ключевой по заданному им тону, рассказ тургеневского цикла описывает дружбу между богатым мужиком Хорем и бедняком Калинычем. В этом же рассказе показаны сравнительно легко и просто возникающие приятельские отношения между крестьянами и барином-охотником. Тот факт, что в реалистическом произведении изображаются подобные отношения между богатым и бедным, между барином и мужиком, не мог не поразить читателя. Даже много лет спустя после выхода в свет «Записок охотника» А.М.Горький будет иронизировать над тургеневским изображением русского крестьянства: «Хорошие мужики. И живут недурно. И ни на что не жалуются. Господ уважают. Совершенно нельзя понять – почему же они бунтуют по 25 раз в год?» [4, с.180]. Пролетарский писатель в данном высказывании, разумеется, многое полемически заостряет. И всё же А.М.Горький верно почувствовал необычность художественной манеры «Записок охотника». В структуре реалистического произведения отчётливо выявились, казалось бы, совсем забытые сентименталистские мотивы. Следует подчеркнуть, что, изображая дружеские отношения Хоря, Калиныча, баринаохотника, Тургенев несколько не идеализирует крепостнической

действительности. Охотник – это барин, но для Хоря и Калиныча он посторонний человек, не имеющий над ними власти. Калиныч – бедняк. Но он не батрак, работающий у богатого соседа. Все три героя данного очерка по отношению друг к другу выступают как свободные, независимые люди. Именно поэтому их взаимная привязанность или симпатия не имеют в себе ничего рабского. Это те естественные чувства, на основе которых и должна строиться общественная связь между людьми. В своё время сентименталист Н.М.Карамзин в рассказе «Фрол Силин, благодетельный человек» нарисовал образ богатого мужика, совершающего благодеяния для своих односельчан. Суть рассказа в том, что в голодный год все жители деревни обнищали – все, кроме трудолюбивого и зажиточного Фрола Силина. «Вместо того, чтобы продавать хлеб по дорогой цене и, пользуясь случаем, разбогатеть вдруг, он созвал беднейших из жителей своей деревни и сказал им: «Послушайте, братцы! Вам теперь нужда в хлебе, а у меня его много; пойдём ко мне на гумно; пособиите мне обмолотить скирда четыре и возьмите себе, сколько вам надобно на весь год... Небо услышало молитву бедных и благословило следующий год плодородием. Поселяне, одолженные Фролом Силиным, явились к своему благотворителю, и отдавали ему то количество хлеба, которое у него взяли, да и ещё с лихвою». Реалист Тургенев изображает аналогичную ситуацию в рассказе «Однодворец Овсяников»: «Он почитал за грех продавать хлеб – божий дар, и в 40-м году, во время общего голода и страшной дороговизны, роздал окрестным помещикам весь свой запас; они ему с благодарностью внесли свой долг натурой» [Т.4, с.62]. И в том, и в другом случае писатели вовсе не приукрашивают действительности. Карамзин специально подчёркивает, что, когда Фрол Силин предложил мужикам свой хлеб, «крестьяне остолбенели от удивления – ибо и в городах и в сёлах великодушные есть редкое явление!» [4, с.351]. Но, хотя характеры изображены довольно необычные, в их душевном строе, в их поведении проявляется то, что понятно и созвучно чувствам каждого гуманно мыслящего человека. Мы ощущаем как у Карамзина, так и у Тургенева глубокую жизненную правду, открытую русской литературой ещё в эпоху Просвещения. Нельзя вместе с тем не видеть, что Тургенев одновременно использует и иные литературные традиции. Романтизм также накладывает на «Записки охотника» свой неизгладимый отпечаток. Связь с романтизмом и прежде всего ранним романтизмом весьма ощутима в некоторых чертах духовно-нравственного мира рассказчика. «Бесконечной ценностью для иенских романтиков, - пишет И.В.Карташова, - являлась не изолированная от мира личность, но, напротив, личность радостно и любовно сливающаяся с природой и человечеством, с «целым». В содержание эстетического идеала раннего романтизма, наряду с утверждением красоты и мощи человеческой индивидуальности, включалось и

утверждение человеческого единства, родства, союза, наподобие единства, естественной «организованности», которая царит в природе» [6, с.52-53]. Знаменитые тургеневские пейзажи несут в этом смысле глубокий философский подтекст. Они прежде всего подчёркивают особый ритм, особую гармонию в природе: «Солнце село, но в лесу ещё светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит весёлым блеском изумруда. Вы ждёте ... Птицы засыпают – не все вдруг – по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки. В лесу всё темней и темней. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы ещё сонливо посвистывают ... Вот и они умолкли. Ещё раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щёлкнул первый раз» [Т.4, с.21]. Тургенев усвоил идущее от натурфилософии Шеллинга понимание мира как живого организма. Природа, изображаемая Тургеневым, предстаёт в плавных переходах и удивительном равновесии своих многообразных проявлений: «Река выётся верст на десять, тускло синяя сквозь туман; за ней водянисто-зелёные луга; за лугами пологие холмы, вдали чибисы с криком выются над болотом; сквозь влажный блеск, разлитый в воздухе, ясно выступает даль...[Т.4, с.383]. Естественная красота природы органично сливается с тем, что создаётся руками русского крестьянина. Уместно вспомнить размышления Д.С.Лихачёва о том, что русский пейзаж в основном формировался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчающего резкости природы, и культуры природы, в свою очередь смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно вносил в неё человек. Ландшафт создавался, с одной стороны. Природой, готовой освоить и прикрыть всё, что так или иначе нарушил человек, и с другой – человеком, смягчившим землю своим трудом и смягчавшим пейзаж. Обе культуры как бы поправляли друг друга и создавали её человечность и приволье! [7, с.17]. «Записки охотника» пронизаны верой писателя в то, что подлинные культура и цивилизация возникают не за счёт насилия над живой жизнью, а как гармоническое единство природного и социального. Это настроение создают тургеневские пейзажи, этим же чувством пронизано и описание русского крестьянина, русского человека. Показателен сюжет рассказа «Бирюк». Суровый лесник, поймавший мужика в лесу, честно и добросовестно выполняет свои обязанности. Но в душе ему жаль несчастного бедняка. Внезапный порыв, заставивший Бирюка отпустить этого человека, есть та внутренняя связь, которая сплавливает людей, как братьев. И пусть данный поступок остаётся на уровне чисто практического действия, пусть у Бирюка нет даже попытки осмыслить происшедшее, превратить его в нравственное убеждение, автор «Записок охотника» чуть ли не в каждом своём рассказе подчёркивает превосходство естественных связей между людьми над их официальными отношениями.

Тургенев всё время обобщает происходящее. Феодальное общество рушится, а дальше, верит писатель, людьми будут управлять гораздо более гуманные и естественные законы. При этом у Тургенева сочетаются поэтизация естественного начала и признание тех запретов, ограничений, которые неизбежны в цивилизованном обществе. Тот же Бирюк привлекает нас не только своей добротой, но и верностью своему долгу, борьбой, которая разворачивается в его душе. Тургенев видит в народе и естественное начало, и черты высокой культуры. Например, в одном из своих рассказов Тургенев размышляет над тем, как ведут себя русские люди перед лицом смерти. Писатель показывает, как умирают приказчик, студент, старушка помещица. При этом он настойчиво вызывает в нашем сознании ассоциации с теми нормами и образцами поведения, которые нашли своё, пожалуй, наиболее яркое воплощение в античной культуре: «Удивительно умирает русский мужик! Состояние его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью. Он умирает, словно обряд совершает: холодно и просто» [Т.4, с.216]. Но невозмутимое состояние человеческого духа перед лицом неизбежной гибели как раз и утверждали Эпикур, Сенека, Марк Аврелий. Автор «Записок охотника» открывает неожиданное сходство между тем, что давно уже стало достоянием высокой культуры, и тем, что закономерно порождается естественным укладом народной жизни. Характерна сцена в сельской больнице, когда богатый мужик внезапно узнаёт о том, что дни его сочтены: «Да как же это! (Фельдшер плечами пожал). И умирать мне из-за этакой дряни?» «Этого я не говорю... а только оставайтесь здесь» Мужик подумал, подумал, посмотрел на пол, потом на нас взглянул, почесал в затылке да за шапку. «Куда же вы, Василий Дмитрич?» - «Куда? Вестимо куда, домой, коли так плохо. Распорядиться следует, коли так». «Да вы себе беды наделаете, Василий Дмитрич, помилуйте; я и так удивляюсь, как вы доехали? – «Нет, брат Капитон Тимофеевич, уж умирать, так дома умирать; а то что ж я здесь умру, - у меня дома и господь знает что приключится» ... - «Эй, останься, Василий!» Мужик только головой тряхнул, ударил вожжей по лошади и съехал со двора. Я вышел на улицу и поглядел ему вслед. Дорога была грязная и ухабистая; мельник ехал осторожно, не торопясь, ловко правил лошадьёю и со встречными раскланивался... На четвертый день он умер» [Т.4, с.219]. Очень важно отметить, что твёрдость и мужество перед лицом смерти здесь не являются искусственными, они органичны. И обусловлено именно такое поведение тем, что умирающий заботится о других людях. Тургенев настойчиво подчёркивает именно этот мотив: просит передать деньги жене умирающий приказчик Максим, пытается заплатить за собственную отходную старушка помещица. Всё это мелкие житейские заботы. Но именно из них вырастает то отрицание страха смерти, которое в других случаях достигается лишь на высочайшем уровне

развития человеческой личности. Огромное значение, конечно, имеет и то обстоятельство, что Тургенев воспроизводит христианское отношение к смерти. Писатель всё время подчёркивает в своих героях, простых русских людях, черты высокой культуры. Чего стоят в этом плане одни только женские характеры и судьбы, изображённые в рассказах «Пётр Петрович Каратаев», «Свидание», «Живые мощи» и т.д. О чём они говорят? О тяжёлой судьбе крепостной крестьянки? Да, конечно. Однако не менее важно для Тургенева показать, как ведут себя его героини под трагическими ударами судьбы. Их глубокие и сильные чувства сдержанны в своих проявлениях, поступки лишены какой-либо аффектации, вычурности. Это не тупая покорность судьбе, но та культура чувств, которая в простом человеке встречается не менее часто, чем, у тех, кто впитал в себя все достижения европейской цивилизации. Для художественной манеры «Записок охотника» характерно стремление автора отыскать вечное, общечеловеческое в мировой истории и обыденной жизни. Подобный способ изображения был бы совершенно неуместен в рассказах Н.Успенского, Решетникова и в тех других произведениях русской литературы, где писатели стремились дать исследование именно крестьянской жизни. Тургенева же гораздо больше интересует не специфически крестьянское, а общечеловеческое. Персонажи «Записок охотника» олицетворяют собой всю нацию в целом. На этом уровне вполне оправдано и уместно сравнение мужика Хоря с Сократом или Петром Великим, а крестьянки Лукерьи с Жанной д'Арк. Не следует забывать, что в «Записках охотника» всё проходит через восприятие рассказчика с его очень тонким и сложным внутренним миром. Он не просто описывает свои наблюдения над судьбой крепостного крестьянина, но даёт их в контексте постоянных размышлений о путях развития России, о деятелях науки, искусства, о героях мировой истории. Весьма показательны в этом отношении хрестоматийно известные строки, где описывается встреча рассказчика с Хорем: «На пороге избы встретил меня старик – лысый, низкого роста, плечистый и плотный, - сам Хорь. Я с любопытством посмотрел на этого Хоря. Склад его лица напоминал Сократа: такой же высокий шишковатый лоб, такие же маленькие глазки, такой же курносый нос» [Т.4, с.12]. Кто здесь с кем сравнивается? Хорь с Сократом? Да, конечно. Но одновременно и Сократ сравнивается с Хорем. И если первое сравнение напоминает о тех скрытых потенциальных возможностях, которые таятся в русском народе, то не менее глубокий смысл имеет и второе сравнение. В великом древнегреческом мудреце оно подчёркивает его демократическую сущность, его принадлежность к народу, и освещает образ Сократа каким-то новым добавочным светом. Аналогичная особенность художественной структуры «Записок охотника» проявляется тогда, когда у рассказчика при описании Хоря возникает неожиданная ассоциация с Петром

Великим: «Всех его расспросов я передать вам не могу, да и незачем; но из наших разговоров я вынес одно убеждение, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, - убеждение, что Пётр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он непрочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперёд» [Т.4, с.18]. Сопоставление царя-преобразователя с мужиком не только укрупняет личность Хоря, но позволяет лучше понять Петра Великого, глубинный смысл его реформ. И вообще не так легко ответить на вопрос, кто главные герои в данном рассказе Тургенева: крепостные крестьяне Хорь и Калиныч или выдающиеся деятели мировой истории и культуры Сократ, Пётр Великий, Шиллер и Гёте. Художественное своеобразие «Записок охотника» проявляется не только в грандиозности обобщений, но и в умении писателя объединить, казалось бы, далёкие друг от друга явления. Например, в рассказе «Певцы» речь идёт о сложности человеческих судеб, о порывах к счастью и разочарованиях, о многообразии жизненных дорог. Об этом размышляет повествователь, об этом поёт Яков Турок. Но трудно, почти невозможно различить, где перед нами мысли и чувства интеллигентного человека и где безыскусный мир народной песни: «Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском, песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу низкому багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова» [Т.4, с.241]. Эта поэтическая ассоциация может принадлежать только рассказчику. Таких впечатлений нет, и не может быть у обитателей степного села Колотовка. Но возникает картина моря под влиянием пения Якова и сливается с ощущением бесконечной степной дали. Тонкие, сложные переживания барина-охотника и песня крестьянина постоянно объединяются и взаимно дополняют друг друга. Это позволяет писателю показать не только мужика, не только барина, но прежде всего русского человека, позволяет уловить глубинные основы национального характера. Конечно, не надо упрощать воззрений великого писателя. Тургенев знал, что и природе, и в психике человека есть разрушительные тенденции, есть порывы к хаосу, к уничтожению. Но это не представлялось ему достаточно значительным, определяющим главное направление развития. Например, в рассказе «Певцы» Тургенев показывает, какие удивительные артисты и художники встречаются среди простого народа. При этом он не скрывает от читателя того, что ждёт, как правило, подобные таланты. Про голос Якова сказано, что он уже «был слегка разбит и звенел, как надтреснутый» [Т.4, с.222]. Состязание певцов завершается пьяным разгулом. Ясно, что удивительный

талант скоро сам себя погубит. Если выделить, усилить этот мотив, то возникнет тема саморазрушения личности, которая в дальнейшем привлечёт внимание Достоевского или Бунина. Но Тургенев делает совсем иные акценты. У него очень подробно описано пение Якова. А затем рассказчик уходит, заявляя: «Я не хотел остаться – я боялся испортить впечатление» [Т.4, с.223 - 224]. Это очень характерная деталь. Главное внимание обращено на то лучшее, что есть в народе. А всё хаотичное, нелепое, неразумное, что писатель тоже весьма отчётливо видит, даётся на втором плане. Оно воспринимается им как нечто преходящее, должное исчезнуть в иных, более благоприятных условиях. Здесь проявляется не идеализация, а типично просветительская уверенность в том, что достаточно отменить крепостное право, как вся русская жизнь начнёт развиваться по законам разума и природы.